

Гавриил Кротов

Лефортовские записи

Стихи перед освобождением

Гавриил Кротов

**Лефортовские записи.
Стихи перед освобождением**

«Издательские решения»

Кротов Г. Я.

Лефортовские записи. Стихи перед освобождением /
Г. Я. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969044-9

Сборник стихов Гавриила Яковлевича Кротова (1910—1984) — педагога, художника, фронтовика, в связи с участием в составлении педагогического раздела Программы КПСС отправленного в лагеря на восемнадцать с половиной лет уже в послесталинское время. Г. Я. Кротов — автор книги «Три поколения» — художественная автобиография первой половины XX века. Стихи полны размышлений о неволе и свободе, об основах человеческой жизни и о будущем, обращены к ищущему и думающему читателю.

ISBN 978-5-44-969044-9

© Кротов Г. Я.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Раздел первый	7
Всем вместе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лефортовские записи Стихи перед освобождением

Гавриил Яковлевич Кротов

© Гавриил Яковлевич Кротов, 2019

ISBN 978-5-4496-9044-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке рисунок автора «Душа заключённого»

*Отзывы и замечания просьба прислать по адресу:
krotovv@gmail.com*

Предисловие

Гавриил Яковлевич Кротов был комсомольским активистом, художником и журналистом, садоводом и учителем, прошёл всю Великую отечественную войну, работал в послевоенных детдомах и в пионерских лагерях. Участвовал в составлении педагогического раздела Программы КПСС – и *за это* просидел восемнадцать с половиной лет в лагерях.

Перед выходом отец был переведён из мордовского лагеря в московский Лефортовский изолятор и некоторое время провёл там. В это время был сочинён основной раздел сборника, название которого взято как название всей этой книги. Вступлением к ней стало большое стихотворение, обращённое к жене и сыновьям. Оно датировано всем сроком его заключения.

Выйдя на свободу, все стихи автор хранил в голове. Только когда он поселился в деревне Бавыкино Калужской области, постепенно напечатал их на старенькой пишущей машинке. Машинописью он дорожил и не хотел, чтобы она попала в руки наблюдающего за ним Комитета государственной безопасности (и пропала бы в его недрах, как пропали многие его книги, которые он пытался переслать на свободу из мест своего заключения). После его смерти мы нашли её в сарае, под клеткой для кроликов.

Подробнее о жизни Гавриила Кротова можно прочитать в его книге «Три поколения», в книгах Марии Кротовой «Бавыкинский дневник» и «В послевоенных детдомах», в мемуарах Виктора Кротова «Навстречу своему лучу».

Несколько слов об основных мотивах сборника.

Это и нетерпеливое ожидание освобождения, и опасения, связанные с возвращением в обычную жизнь после долгих лет заключения, и воспоминания об узловых моментах прошлого. Но ещё – выразительное изложение собственных принципов жизни, основанные на них заветы сыновьям. Это его сердечная любовь к жене и сознание вины перед нею за неожиданный трагический разворот судьбы...

На литературных студиях, которые я веду много лет, у меня сформировалось убеждение, что любые искренние стихи – существенное средство самовыражения человека, которое многое рассказывает о нём такого, что не выразить прозой. В этом смысле технические качества стихосложения второстепенны. Хотя и они по-своему красноречивы. Поэтому при подготовке сборника к публикации я всячески избегал редактирования. Но изредка позволял себе незначительную правку на уровне одного-двух слов или знаков препинания с целью избежать непонимания смысла сказанного.

В наше время мало кто читает книги стихов не слишком известных авторов. Но я уверен, что редкий возможный читатель ни в коем случае не пожалеет, что познакомился с поэтически обострёнными переживаниями автора, прожившего свою жизнь на выкладку, в каких бы условиях он ни находился.

Виктор Кротов, старший сын

Раздел первый

Всем вместе и каждому в отдельности

Нет, нет, не в назидание потомкам!
Не для взаимных болей и обид,
О сокровенном самом,
 О негромком
 Сейчас мой стих
 С тобой заговорит.
Без недомолвок, без кривых улыбок,
Без той игры, что к совести глуха.
Кто прожил жизнь, не делая ошибок?
Не сотворил хоть малого греха?

Кто?
 Одуванчик?
 Бабочка степная?
Иль человек, который вышел в путь?..
Его словам подвластна даль земная.
Он даже Бога может обмануть.

Взойдёт ли день, придёт ли вечер зыбкий,
Ты в жизни должен многое решить.
А я уже прошёл сквозь те ошибки,
Которые ты можешь совершить.
И если мне пришлось тебя обидеть, —
Не вспоминай, не вороши обид.
Ведь мне уже давно случалось видеть
То, что тебе увидеть предстоит.
Гаси, гаси сомнения свечу!
О жизни говорить с тобой хочу.

Она ещё тебе нисколько не знакома,
Земным твоим дорогам нет конца...
Не покидай родительского дома,
 Обидев мать
 или забыв отца!
Не оскверняй своей любви к родному.
Не покрывайся оспинками лжи.
Всегда храня святую верность дому,
Родительской любовью дорожи.

...Я сам нехорошо ушёл из дома,

Обидел мать,

Нарушил долг отца.

И тишина была страшнее грома
У нашего пустынного крыльца.
И до сих пор мне сердце жжёт слезами.
А впереди ещё так много лет...
А мать стоит опять перед глазами
И словно машет мне рукой вослед.

Нет-нет, я это не случайно сделал:
Её оставил и оставил вас,
Я должен был...

Однако не сумел я
Всё рассмотреть и взвесить в нужный час.
Да и не мог...

К чему теперь признанья,
Иль оправданья, трусости под стать.
Я в это утро сохранил сознание —
Тогда ещё не мог другим я стать.
Я утонул в грязи...

Но грязь была снаружи.
Внутри я был таким, каким и должен быть,
И оправданья вовсе мне не нужны,
Хоть ваше мнение хотел бы изменить.

Хотел бы...

Только личные желанья
Я подчинил другому до конца.
И в исступленье своего незнанья
Не бросьте камень в грешного отца.
Пускай их бросит бабушка и люди,
И даже мать обиду сохранит,
Но вашего суда я признавать не буду,
Да и не вам меня судить.

Знал только я, какой я шёл дорогой.
И гнал я жизнь – строптивного коня.
Но ты мои пути, пожалуйста, не пробуй
И не бери за образец меня.

Мой милый друг, когда зовёт дорога, —
Желанья своего не торопи.
Остановись!

Подумай у порога!
Потом уже его переступи.

Но вот ты вышел утренней порою
В открытый мир...

Куда тебе идти?

Где, за какой диковинной горою
Таится то, что должен ты найти?
И под какой неведомой горою
Зарыт твой клад, лежит твоя судьба?
Гора грозиться будет:
– Не открою!
А ты – открой!
 Да здравствует борьба!

Да выпадет тебе большая драка
Ещё в начале твоего пути.
Долины света, коридоры мрака —
Всё должен ты увидеть и пройти.

Иди всегда с товарищами вместе,
Один ты не пройдёшь в такую даль.
И пуще смерти бойся всякой лести:
Льстецу весь мир отдать тебе не жаль!
А попроси его, когда придётся,
Помочь тебе – он льда зимой не даст,
И тут же снова в чувствах поклянется,
А через пять минут тебя продаст.
Нет, нужен друг заветный, настоящий,
Такой, что за горою видит цель,
Как тот на корабле, вперёдсмотрящий,
Чтоб кораблю не угрожала мель...

Любовь моя!
 Когда смотрю в те годы...
Ты научила зоркости меня.
Я все свои закаты и восходы
У твоего заимствовал огня.

Как много раз любовь меня спасала,
Чтоб я в себе души не запятнал,
От слабодушья, от свиного сала,
Которым я порою зарастал.
Она меня великому учила.
Прошла со мной почти весь белый свет,
По морю шла – и ног не замочила,
Шла по огню – не почернела, нет!

Она была то радостью, то болью,
То маленькой бывала, то большой,
То раны мне солила ржавой солью,
То всё прощала с лёгкою душой.
Любовь! Любовь!
 А что это такое —
Любовь?

Но только правду мне ответь,
Чего в ней больше: слёз или покоя?
И что с ней делать: плакать или петь?

Я иногда любовью шёл, как лесом.
То в эту гнулся сторону, то в ту.
А сколько раз бывал я Ахиллесом,
Безжалостно ужаленным в пяту.
А мне тогда казалось, что вот это
И есть любовь.

Единственная.

Та.

Но осыпались листья пустоцвета,
И оставалась в сердце пустота.

А где-то за морями, за горами,
В какой-то неизвестной стороне
Звала меня, ждала меня годами
Та женщина, что счастьем стала мне.
Она пришла, чтобы нам не расставаться,
Моею стала, чтоб родились вы.
Но даже здесь не стал я разжижаться,
Хотелось прыгнуть выше головы.

Я гнал себя,
Любовь свою
И ласку
Давил своею собственной рукой.
Я торопился строить в мире сказку,
И из неё я исключил покой.
И мне хотелось солнцем стать и песней,
Рекой весенней, деревом в саду.
Чтоб только жить бы ярче и чудесней,
Обид не знать и не встречать беду.

А мне бы надо быть с ней всюду рядом.
Всё ей отдать, всё с ней перенести.
Её защитой стать, её оградой,
Любую боль от сердца отвести...

И если бы сейчас меня спросили:
– На свете много умерших огней,
Твою любовь года не погасили?
– Нет, – я б сказал, – она ещё сильнее!

Друг друга в поиск вечный увлекая,
Идут по жизни рядышком сердца.
Какое это счастье – жизнь такая,
Любовь такая греет до конца.

Нас не подкупишь лишним граммом блага,
Мы за похлёбку честь не продадим.
Любовь и труд – не мрамор и бумага,
И мы за них стояли и стоим.

Не терпит лжи, не признаёт обмана,
В благонамеренном мы узнаём врага.
И эта сила – волны океана,
Которые шатают берега.

Один поэт, стихи слагавший броско,
Пропахший зеленью и козым молоком,
Писал, что Родина – пригорок да берёзка,
Да поле, где он бегал босиком...

Нет, нет, неправда!
Я люблю другую:
Простор бескрайний, тёмные леса,
Зимой – в сугробах, осенью – нагую.
Немерянную,
Сердцу дорогую.
Всех русских рощ и речек голоса.

Люблю толпу берёз над перевозом.
Закат, что в ноги кланяется им.
Я сам готов им кланяться – берёзам,
Рязанским, тульским, пензенским, псковским.

Мне эта ширь, мне эта даль без края
Родней родного, светлого светлей.
Не надо мне малюсенького рая.
Цветы цветут, бегут ко мне с полей.
Я звал их сам. Цветы моей России!
Не здесь ли их Алёнушка рвала?
Самой России в косы золотые
Она ромашки белые вплела.

И до любой кровинки, до слезинки
Вошли в меня навеки, как судьба,
Вот эти остробровые травинки
И эти необъятные хлеба.

Всё здесь моё – могучее, большое.
И я готов слезинку уронить,
И раскрасивую тебя своей душой
Я к лучшему хотел бы изменить.
Убрать тебя, как...

Где найти сравненье?..
Но вот не смог я нарядить, любя.

Считаю, этого стихотворенья,
Конечно, слишком мало для тебя.

Люби Россию!
Ты люби её, как друга!
Омывши кровью, я тебе её дарю.
И вот тогда, за гранью жизни круга,
Ты знай, что я тебя благодарю.

Любовь свою ты не дели с другими,
Коль видишь жадность, подлость, чванство, лесть...
И пусть навеки будут дорогими
Любовь и труд,
уверенность и честь.

Пусть честь порой облита кем-то грязью,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.